

УДК 338

*Троякова Т.Г.
Troyakova T.G.*

Рабочая сила из КНДР на российском Дальнем Востоке: история и современное состояние

Workers from DPRK in the Russian Far East: history and current situation

В статье рассматривается деятельность северокорейских рабочих на территории Дальнего Востока нашей страны со времени образования КНДР до настоящего времени. В советское время трудовая сила из КНДР использовалась для работы в рыболовстве, сельском хозяйстве и лесной отрасли. На рубеже XX и XXI вв. северокорейские рабочие в основном заняты в строительстве. Использование рабочей силы из КНДР в нашей стране на протяжении почти семидесяти лет является важным компонентом двусторонних отношений. Увеличение численности северокорейских рабочих в последние годы происходило на фоне оживления отношений России и КНДР. Важной особенностью трудовой деятельности северокорейских рабочих за рубежом является закрытая система распределения заработной платы между рабочими и государственными институтами, которые контролируют финансовые потоки. Использование денежных средств, полученных от граждан КНДР, работающих в России, вызывает множество вопросов по поводу нарушения прав человека и возможного финансирования военных программ в условиях режима санкций.

Ключевые слова: северокорейская рабочая сила, двусторонние отношения, Россия, КНДР, российский Дальний Восток, Приморский край

The article is providing an accessible history of North Koreans workers in Russian Far Eastern territory from DPRK's declaration through the present time. The North Korean workers were recruited by the Soviet government to work in fishery, agriculture and logging. During the last two decades they are working mainly as construction workers. The continuance of North Korean work force in Soviet Union/Russia constitutes a significant component of bilateral relationship. Supplying labor overseas is one of the few sources of income for the isolated North Korean economy. There are many questions why workers' salaries to contribute to government endeavors.

Key words: North Korean labor force, Russia, DPRK, bilateral relations the Russian Far East, Primorsky kray

Проблема трудовой деятельности граждан КНДР в зарубежных странах вызывает большой интерес широкого круга экспертов, журналистов и ученых. В связи с обострением ситуации на Корейском полуострове в результате ядерного кризиса и установления режима санкций в от-

Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003)

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна, к.и.н., доцент, заведующая кафедрой международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** tamaratroyakova@gmail.com

ношении КНДР в зарубежной прессе появилось множество публикаций о характере деятельности северокорейских рабочих в России. С одной стороны, трудовая миграция является обычным явлением в современном мире. С другой стороны, финансовая составляющая этого явления вызывает вопросы о том, каким образом заработки северокорейских рабочих используются и в чью пользу?

В данной статье рассматриваются исторические и современные аспекты трудовой деятельности северокорейских рабочих на российском Дальнем Востоке на фоне двусторонних отношений. Ставится вопрос о том, можно ли считать северокорейских рабочих, которые вынуждены отдавать часть зарплаты правительственным чиновникам, жертвами существующего в КНДР режима?

Исторические аспекты

История трудовой деятельности граждан КНДР в дальневосточном регионе начинается с первых лет после образования КНДР. Во второй половине 1940-х гг. в условиях безработицы в Северной Корее и нехватки рабочих рук на Дальнем Востоке СССР Советское правительство воспользовалось возможностью привлечения корейских граждан для работы. Таким образом, дефицит трудовых ресурсов в отдаленных районах Хабаровского края и Сахалинской области восполнялся за счет труда примерно двадцати тысяч северных корейцев в сельском хозяйстве, лесной и рыбной отраслях.

Советский Союз планировал укрепление своих позиций на Корейском полуострове в условиях противостояния Севера и Юга. По мнению ученых из Института истории ДВО РАН, «привлечение северокорейских рабочих можно рассматривать в контексте внешнеполитических предпосылок...» [2, 107]. Более того, ситуация на юге Сахалина требовала решительных действий по переселению советских граждан на остров, но это было недостаточно. В 1948 г. на Сахалин «на трёх пароходах было доставлено 13 500 северных корейцев», которые помогли восполнить нехватку рабочих рук после завершения репатриации японцев в середине 1949 г. [3, 91].

Постепенно отношения Советского Союза с КНДР приобретали устойчивый характер. В октябре 1957 г. была подписана Конвенция о порядке урегулирования пограничных вопросов между КНДР и СССР. По мнению дальневосточного исследователя Игоря Безика, северокорейские власти «...фактически пытались этими договорённостями «закрыть» границу с СССР и получить более эффективное содействие со стороны СССР в этом вопросе» [1, 71].

В декабре 1957 г. был заключён Договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, приняты Конвенция об урегулировании вопроса о гражданстве лиц с двойным гражданством и Консульская конвенция. В процессе становления межгосударственных отношений с апреля 1958 г. в городе Находке стало функционировать Генеральное консульство КНДР. Консульство занималось, в том числе и вопросами, связанными с пребыванием северокорейских граждан, работавших по официальным договорам сторон, и проблемами их массового возвращения в Северную Корею.

Несмотря на то, что правительство КНДР заявило о возвращении на родину граждан, работавших на советском Дальнем Востоке, несколько десятков тысяч северных корейцев трудилось на предприятиях Хабаровского и Приморского краёв, Магаданской и Сахалинской областей. В 1957 г. на территории хабаровских леспромхозов было организовано четыре корейских леспромхоза. Конторы этих леспромхозов размещались в черте местных посёлков, но северокорейские работники проживали в

поселениях закрытого типа. Их численность не превышала шести тысяч человек. Точную численность граждан КНДР, которые работали в регионе в это время, трудно определить в силу того, что процессы отправки и прибытия плохо поддавались учёту, а архивные документы носят разрозненный характер.

Во второй половине 1960-х годов из-за ухудшения экономической ситуации в Северной Корее, Ким Ир Сен попросил увеличить численность корейцев на лесозаготовительных работах. Решение было принято во время неофициальной встречи, которая состоялась между Леонидом Брежневым и Ким Ир Сеном в мае 1966 г. во Владивостоке.

В 1975 и 1977 гг. подписывались двусторонние соглашения о расширении площадей лесозаготовок на территории советского Дальнего Востока. Советская сторона предоставляла технику и участки леса, а северокорейская – рабочую силу, и часть лесной продукции отправлялась в КНДР. Поселения находились в Верхне-Буреинском районе Хабаровского края. На 1 октября 1976 г. в десяти леспромпхозах Хабаровского края и Амурской области работало 16 329 граждан КНДР, что составляло около 32% численности рабочих из социалистических стран, работавших в Советском Союзе в эти годы [6, с. 91]. Примечательно, что большая часть дальневосточной древесины экспортировалась в Японию. Игоря Безика иронично отмечал, что «северокорейские рабочие советского лесопромышленного комплекса на Дальнем Востоке внесли сильный вклад в развитие советского лесного экспорта [1, 70].

В последующие годы отношения между СССР и КНДР развивались в условиях укрепления неограниченной власти Ким Ир Сена и построения «социализма корейского образца». В начале 1980-х годов экономическая ситуация в КНДР значительно ухудшилась и советское правительство решилось на поддержку страны в условиях непростых отношений с КНДР. В 1984 г. в ходе визита Ким Ир Сена в Москву была достигнута договоренность об увеличении численности северокорейских рабочих до двадцати тысяч человек и об оплате их труда в рублях. В январе 1986 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР и КНДР об условиях взаимных поездок граждан. По мнению Ларисы Забровской, эти факторы способствовали росту коррупции среди партийных чиновников КНДР, которые брали взятки за «отправку домой заработанных денег, перевод на другую работу...» [4, 196]. А северокорейские рабочие нарушали советские законы по охране окружающей среды и даже занимались распространением наркотиков [4, 197].

На территории Верхне-Буреинского района Хабаровского края существовали закрытые поселения, в которых в отдельные годы проживало около двадцати тысяч рабочих. Это были своеобразные трудовые лагеря, и контакты между местным населением и гражданами КНДР были сведены к минимуму. В 1970-е гг. северокорейские рабочие приезжали в Советский Союз по групповым визам. Такой порядок приводил к частой смене состава рабочих, что снижало уровень их квалификации. Фиксировались случаи браконьерских методов охоты и рыбной ловли, кражи и побеги северных корейцев. Но экономические интересы оказались важнее, так как труд северокорейских лесорубов был дешевле труда местных рабочих, которые не хотели трудиться в сложных условиях [16, p. 261].

Таким образом, использование северокорейской рабочей силы на протяжении нескольких десятилетий было рутинной практикой двусторонних отношений СССР и КНДР. При этом особую роль играл идеологический фактор. Советская сторона предпринимала попытки приобщения северных корейцев к чтению политической литературы на русском языке и участию в культурно-просветительских мероприятиях. Но севе-

рокорейские руководители ориентировались на собственные идеологические установки и формы политического воспитания и оказывали сопротивление попыткам советских функционеров.

Принцип применения права страны, направившей работника, являлся исходным при регулировании труда корейских рабочих и специалистов по Соглашению между правительствами СССР и КНДР о сотрудничестве в заготовке леса на территории СССР для нужд народного хозяйства КНДР от 2 марта 1967 г. Этот принцип в основном был сохранен и в Соглашении о сотрудничестве в заготовке, комплексной переработке древесины и восстановлении леса на территории СССР от 8 августа 1991 г.

Привлечение иностранной рабочей силы можно рассматривать как один из видов целевого кредитования, которое использовалось в советское время. Такие кредиты давались для создания конкретных экспортных мощностей и погашались за счет поставок продукции, производство которой удалось наладить с помощью данных кредитов. Непосредственно иностранным работникам шла лишь часть их заработка, а другая часть – шла государству, их направившему. В основном древесину делили из расчета две трети – СССР и одну треть – КНДР.

Неэффективность советской экономики, её региональная отраслевая специализация, нехватка трудовых ресурсов обусловили использование на Дальнем Востоке северокорейских рабочих на протяжении нескольких десятилетий.

Особенности пребывания северокорейских рабочих на российском Дальнем Востоке в 1992–2017 гг.

В 1990-х гг. основной тенденцией для Дальневосточного региона стал массовый отток местного населения и рост замещающей международной трудовой миграции. В декабре 1993 г. появился Указ «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы», определивший в дальнейшем действие разрешительного порядка привлечения таковой в Россию. В соответствии с этим документом регулирование численности иностранной рабочей силы было одним из направлений в деятельности властных структур по обеспечению социальной безопасности.

В первой половине 1990-х гг. в Приморском крае регулярно проводили операцию «Иностранец», направленную на сокращение численности нелегальных рабочих из Китая. В этих условиях северокорейские рабочие, которые имели разрешения на трудовую деятельность в Приморье, заменили китайских на строительных объектах, а также в сельском хозяйстве. В начале 1990-х годов тема о нарушении прав человека в отношении рабочих из Северной Кореи обсуждалась в дальневосточных газетах. К концу 1990-х гг. в результате ужесточения контроля за иностранными рабочими их численность сократилась.

В 1997 г. Федеральная миграционная служба РФ приняла ряд мер по ужесточению правил миграционного и паспортно-визового въезда северокорейцев в Россию, а также их перемещения по территории страны. Местные органы власти обязали все фирмы, приглашающие на работу северных корейцев, дать дополнительные гарантии их полной занятости и своевременном выезде после завершения контракта. Консульская служба российского МИДа со своей стороны разработала и приняла ряд мер по введению строгого порядка въезда и выезда северокорейцев из России. Эти меры были призваны упорядочить деятельность северокорейских рабочих в России.

Численность иностранных рабочих колебалась под влиянием таких факторов, как мотивация иностранцев при поиске работы, реализа-

ция бюрократических процедур, активность дальневосточных предпринимателей.

В январе 1997 г. было подписано Соглашение между двумя странами о взаимных поездках, согласно которому для граждан КНДР, которые имели обычные паспорта, в том числе паспорт лесозаготовителя, необходимо было оформление визы. А руководящим работникам хозяйственных организаций, прибывающим из КНДР в Россию на работу на срок более трех месяцев по дипломатическим и служебным паспортам, визы не требовалась.

В мае 1997 г. было подписано Соглашение о воздушном сообщении, согласно которому вводились рейсы между Пхеньяном и Москвой и Пхеньяном и Владивостоком. Возможности регулярной перевозки рабочих между странами по данным направлениям сохраняется до настоящего времени.

Сферы использования труда рабочих из КНДР постепенно расширялись от сельского хозяйства до сферы услуг. Во Владивостоке открылись рестораны «Моранбон» и в Хабаровске «Пхеньян». Специфика обустройства северных корейцев состояла в том, что они находились в большей зависимости от российских и северокорейских контролирующих органов, чем китайские трудовые мигранты. Хотя по сравнению с прежними временами северокорейские рабочие проживали в поселках и городах среди местного населения. Они работали уже на стройках по контрактам с российскими компаниями, которые заключались через посредников. Примечательно, что роль таких посредников часто брали на себя российские корейцы, которые могли общаться на корейском языке с представителями КНДР. Российские корейцы в значительном количестве проживали в городах Уссурийске и Артёме. В 1995 г. в этих городах были созданы представительства корейского сельскохозяйственного общества, которые официально занимались трудоустройством северных корейцев. Но в 1999 г. представительство корейской сельскохозяйственной компании в Артёме по настоянию миграционных властей было закрыто в связи с нарушениями северокорейскими рабочими правил ведения работ в сельском хозяйстве.

В условиях теневого рынка труда, существовавшего в регионе, практиковалась передача северокорейских работников другим предприятиям без оформления необходимых документов для сокрытия денежных оборотов во взаиморасчетах. Соглашения о работе предполагали обязательства российских компаний перечислять зарплату на счета северокорейских представительств по трудоустройству граждан КНДР в России. Рабочие получали часть зарплаты по возвращению в Северную Корею, что вынуждало их подрабатывать частным образом. Во второй половине 1990-х гг. Генеральное консульство КНДР под предлогом сбора средств для голодающих соотечественников обязало северокорейских рабочих, ежемесячно платить деньги. По утверждению Ларисы Забровской, в Приморье они были «обязаны были ежемесячно сдавать по 200 долл. США, а на Сахалине, где поденных заработков больше и оплата выше, по 300 долл.» [5, 68–69].

В феврале 2000 г. Россия и КНДР заключили Договор о дружбе, в котором содержались положения о взаимных контактах в случае возникновения угроз безопасности и о консультациях по широкому кругу вопросов. На фоне улучшения российско-северокорейских отношений практиковались мероприятия по улучшению образа КНДР и его лидера на региональном уровне. Полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе генерал Константин Пуликовский сопровождал северокорейского лидера Ким Чен Ира в поездке по России и опубликовал об этой поездке книгу [10]. А журналист Ольга

Мальцева о своём опыте общения с Ким Чен Иром и пребывания в КНДР написала даже две книги [7; 8].

В октябре 2003 г. была создана рабочая группа администрации Приморского края и Комитета по содействию международной торговле КНДР. В октябре 2004 г. на заседании этой группы были подведены итоги и приняты планы на будущее. В Приморье были открыты представительства ряда государственных компаний из КНДР.

По данным, приведенным Ларисой Забровской на основании Приморского комитета по статистике, в Приморском крае в 1992 г. трудилось 1779 человек, в 1996 г. – 4144, в 2000 г. – 1369, в 2005 г. – 5693 в 2008 г. – 6812 человек [4, с. 204].

Современный правовой режим пребывания северокорейских рабочих регулируется Соглашением между правительствами РФ и КНДР от 31 августа 2007 г., вступившим в силу в декабре 2009 г.

Стоит отметить, что в статье 1 Соглашения оговариваются возможности «...временной трудовой деятельности в соответствии с договорами о выполнении работ или об оказании услуг (далее – договоры), заключенными между физическими или юридическими лицами принимающего государства (далее – заказчики) и юридическими лицами государства постоянного проживания, далее именуемыми исполнителями работ (подрядчиками), в порядке, установленном законодательством государства постоянного проживания» [9].

Таким образом, правительство КНДР позволило своим гражданам самостоятельно устраиваться не только в совместные предприятия, но и на любые российские предприятия, в том числе частные, где заработок выше, а контроль меньше. А в статье 4 Соглашения говорится, что трудовая деятельность работника осуществляется в соответствии с законодательством принимающего государства. По сравнению с соглашениями советского времени северокорейские рабочие получили больше возможностей для ведения трудовой деятельности в России.

Российско-корейская рабочая группа по решению вопросов, связанных с реализацией Соглашения, ежегодно проводит заседания с участием представителей Главного управления по вопросам миграции МВД России и Министерства внешних экономических дел КНДР.

Изменение социально-экономических условий и развитие предпринимательства способствовало расширению рынка труда для северокорейских рабочих в Москве и Санкт-Петербурге, Московской, Ленинградской областях, Республиках Башкортостан и Татарстан. Хотя концентрация рабочей силы из КНДР сохранялась на рынках труда Приморского края, Амурской, Сахалинской областей, Хабаровского края, ЕАО, что было следствием разных обстоятельств и факторов, в том числе исторических и политических.

Россия и КНДР 5 июля 2012 г. подписали межправительственный договор о режиме государственной границы, что улучшило условия для активизации российско-северокорейских обменов, развития хозяйственных связей, в том числе между приграничными регионами двух стран. По данным Екатерины Щербаковой, на середину 2016 г. численность граждан КНДР, работавших в России, равнялась 31,5 тысяч человек [12].

Использование северокорейской рабочей силы на существующих условиях осуждается международной общественностью. В резолюции СБ ООН № 2321 от 30 ноября 2016 г. появился пункт, в котором Совет безопасности «выражает обеспокоенность по поводу направления граждан КНДР на работу в другие государства для того, чтобы они зарабатывали твердую валюту, которую КНДР использует для своих программ по

ядерному оружию и баллистическим ракетам, и призывает государства проявлять бдительность в связи с такой практикой» [11].

В зарубежной прессе публикуются разоблачительные материалы о нарушении прав рабочих из КНДР в Европе [14]. В марте 2017 г. в норвежском футбольном журнале «Josimar» вышла статья под названием «Рабы Санкт-Петербурга» [13]. Статья посвящена строительству стадиона «Крестовский» и иностранцам, которые на ней трудятся. В статье со ссылкой на правозащитные организации, пишется, что фактически мигранты из КНДР работают за границей на положении рабов и заложников. При этом приводятся различные мнения, в том числе и профессора южнокорейского университета Андрея Ланькова. Он утверждает, что северные корейцы стремятся попасть на работу в Россию и готовы «заплатить крупную сумму, около 700 долларов – целое состояние для жителей Северной Кореи. Для них Россия – это мечта. В Китае они живут в тюремных условиях. В России у них больше свободы» [13].

Несколько международных гуманитарных организаций описывают положение северокорейцев как рабов и заложников. Правозащитники обращают внимание на ужасные условия, в которых приходится работать северокорейским рабочим, а также на то, что у них отбирают почти все заработанные ими деньги [15].

Одним из показателей размеров заработков является количество переводов денежных средств иностранных рабочих на родину. Денежные суммы переводятся официально через банковскую систему, либо через частные каналы. В случае с северокорейскими рабочими рубли конвертируются в американские доллары и переводятся через определенные банки. Вывоз денежных средств из России может происходить за пределами государственного контроля. Можно предположить, что Генеральное консульство КНДР во Владивостоке контролирует процесс перевода заработанных денег в Северную Корею. Распределение дохода между российскими компаниями подрядчиками, которые обеспечивают документы и жильё (общежития или вагончики на стройках) и конкретными северокорейскими фирмами также является частью неконтролируемых процессов.

К сожалению, российские миграционные службы не публикуют данные о северокорейских рабочих. Например, о том сколько раз приезжал на заработки в Россию тот или иной человек и где работал, какова доля трудового населения Северной Кореи, побывавшего на заработках в России, социальное положение таких рабочих, сроки их работы и т.д. На основе таких данных можно было бы понять это явление в целом и сделать развернутые умозаключения.

Заключение

Таким образом, деятельность северокорейских рабочих на Дальнем Востоке нашей страны имеет исторические традиции, которые оказывают влияние на их положение и трудовую деятельность. Во все времена использование иностранной рабочей силы основывалось на двусторонних соглашениях. В советские времена северокорейские рабочие практически не общались с местным населением и не подчинялись советскому законодательству, они были заняты в основном в лесной промышленности. Их численность колебалась в пределах нескольких тысяч человек в зависимости политических и экономических факторов.

В период с 1990-х гг. по настоящее время ситуация постепенно изменилась и контроль северокорейских властей над рабочими уменьшился. У них появились возможности работать в других отраслях, в частности в строительстве и сфере услуг. В 2009 г. вступило в силу соглашение между правительствами РФ и КНДР, установившее правила пребывания

ния трудовой силы из КНДР в России. Северокорейские рабочие получили возможности работать не только на Дальнем Востоке России, но и в Татарстане, в Москве, Ленинградской области и других территориях и их численность постепенно увеличилась до сорока тысяч человек.

Ответ на вопрос о правомерности использования заработков северо-корейских рабочих, работающих в России, правительством КНДР в собственных целях обусловлен тем, что в условиях авторитарного режима КНДР права граждан весьма ограничены. В любом случае, тяжелые условия труда рабочих должны быть улучшены по мере возможностей.

Одним из препятствий для последовательного укрепления российско-северокорейских отношений является то, что экономическая либерализация в Северной Корее пока не сопровождается политической либерализацией. Для сохранения стабильности власти КНДР продолжают контролировать распространение информации о внешнем мире. Одним из источников такой информации являются опыт и свидетельства рабочих, вернувшихся с заработков за границей. Можно предположить, что увеличение численности таких граждан может оказать влияние на сохранение внутривластной стабильности в Северной Корее.

Российская политика в отношении КНДР на протяжении последних десятилетий переживала взлеты и падения, и вопрос о том, возросло или уменьшилось влияние России в этой стране, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, Россия не имеет достаточного влияния на КНДР для того, чтобы заставить северокорейское руководство вернуться к соблюдению режима нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Но и во времена, когда Советский Союз оказывал большую экономическую и военную помощь КНДР, Москва далеко не всегда могла заставить Пхеньян действовать в своих интересах.

С другой стороны, личные контакты Владимира Путина и Ким Чен Ира в начале 2000-х годов способствовали проявлениям уважения к позиции России со стороны других участников корейского урегулирования и объективно укрепили политические позиции России в Северо-Восточной Азии по сравнению с 1990-ми годами. Однако цель российской дипломатии усилить влияние России на Корейском полуострове путем приоритетного укрепления отношений с Северной Кореей пока не оправдывается. Инициировав ядерный кризис, КНДР поставила Россию в трудное и деликатное положение. Дипломатическая активность России в отношении Северной Кореи в течение последних нескольких лет не привела к тому, чтобы Ким Чен Ын стал прислушиваться к советам из Москвы. А российская дипломатия оказалась в плену двух логик – логики действия ядерной державы, ответственной за нераспространение ОМУ, что объективно требует от России той же жесткости, которую проявляют США по отношению к КНДР. И логики улучшившихся российско-северокорейских отношений, которая побуждает Россию к сдержанности и осторожности в вопросах давления на Северную Корею.

Литература

1. Безик И.В. Участие граждан КНДР в хозяйственном освоении советского Дальнего Востока (1950-е – начало 1960-х гг.) // Известия Восточного Института, 2011, № 17 (1). С. 64–75.

2. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 228 с.
3. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: ОАО «Сахалинская областная типография», 2015. 332 с.
4. Забровская Л.В. Стратегии и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны». М.: Морской гос. ун-т, 2011. 300 с.
5. Забровская Л.В. Миграционный фактор сотрудничества России с КНДР // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 4 (69). 2014. С. 65–71.
6. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / А.С. Ващук, А.В. Друзяка, Е.Н. Чернолуцкая, Л.И. Галлямова, Г.Г. Ермак, Л.А. Крушанова, Ю.А. Авдеев, В.Л. Ушакова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
7. Мальцева О.П. Вальс с Ким Чен Иром. Владивосток: Изд-во «Новая волна-Пресс», 2004. 146 с.
8. Мальцева Ольга. Тайны восточного экспресса. Владивосток: Изд-во «Новая волна-Пресс», 2004. 152 с.
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-121/45690 (дата обращения: 15.03.2017 г.).
10. Пуликовский К. Восточный экспресс. По России с Ким Чен Иром. М. ООО «Городец-издат», 2002. 200 с.
11. Резолюция 2321 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7821-м заседании 30 ноября 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/2541355/2321.pdf/f896c952-63fe-42e0-a050-f185a21557ec> (дата обращения: 15.04.2017 г.).
12. Щербакоева Екатерина. // Демоскоп. № 697 – 698 .19 сентября – 2 октября 2016. Институт демографии Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php> (дата обращения: 15.04.2017 г.).
13. Josimar. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.josimar.no/artikler/the-slaves-of-st-petersburg/3851/> (дата обращения: 15.04.2017 г.).
14. North Korean Forced Labour in the EU, the Polish Case: how the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits our Demand for Cheap Labour. Leiden University's Leiden Asia Centre. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%9F/Downloads/Final_Report_North_Korean_Forced_Labour%20Apr17.pdf (дата обращения: 15.04.2017 г.).
15. Unspeakable conditions for N. Korean laborers in Russia. Unification Media Group. 2017-02-02. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk00100&num=14350> (дата обращения: 15.04.2017 г.).
16. Wishnik Elizabeth. Whose Environment? A Case of Forestry policy in Russia's Maritime province. PP. 256-268. // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff. M.E. Sharpe Inc. New York, 1995. 356 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bezik I.V. Uchastie grazhdan KNDR v khozyajstvennom osvoenii sovetskogo Dal'nego Vostoka (1950-e – nachalo 1960-kh gg.) // Izvestiya Vostochnogo Instituta, 2011, № 17 (1). S. 64–75.

2. Vashhuk A.S., Chernolutsкая E.N., Korolyova V.A, Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. Ehtnomigratsionnye protsessy v Primor'e v KHKH veke. Vladivostok: DVO RAN, 2002. 228 s.

3. Din YU.I. Korejskaya diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsiya v sovetskoe i rossijskoe obshchestvo. YUzhno-Sakhalinsk: OAO «Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya», 2015. 332 s.

4. Zabrovskaya L.V. Strategii i osnovnye napravleniya politiki Rossii v otnoshenii KNDR posle zaversheniya «kholodnoj vojny». M.: Morskoj gos. un-t, 2011. 300 s.

5. Zabrovskaya L.V. Migratsionnyj faktor sotrudnichestva Rossii s KNDR // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. № 4 (69). 2014. S. 65–71.

6. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 2. Migratsionnye vyzovy i strategii obespecheniya sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti dal'nevostochnykh territorij / A.S. Vashhuk, A.V. Druzyaka, E.N. Chernolutsкая, L.I. Gallyamova, G.G. Ermak, L.A. Krushanova, YU.A. Avdeev, V.L. Ushakova. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. 224 s.

7. Mal'tseva O.P. Val's s Kim CHen Irom. Vladivostok: Izd-vo «Novaya volna-Press», 2004. 146 s.

8. Mal'tseva Ol'ga. Tajny vostochnogo ehkspressa. Vladivostok: Izd-vo «Novaya volna-Press», 2004. 152 s.

9. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federatsii i Pravitel'stvom Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respubliki o vremennoj trudovoj deyatel'nosti grazhdan odnogo gosudarstva na territorii drugogo gosudarstva. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-121/45690 (data obrashheniya: 15.03.2017 g.).

10. Pulikovskij K. Vostochnyj ehkspress. Po Rossii s Kim CHen Irom. M. OOO «Gorodets-izdat», 2002. 200 s.

11. Rezolyutsiya 2321 (2016), prinyataya Sovetom Bezopasnosti na ego 7821-m zasedanii 30 noyabrya 2016 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/2541355/2321.pdf/f896c952-63fe-42e0-a050-f185a21557ec> (data obrashheniya: 15.04.2017 g.).

12. SHHerbakova Ekaterina. // Demoskop. № 697 – 698 .19 sentyabrya – 2 oktyabrya 2016. Institut demografii Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ehkonomiki" [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php> (data obrashheniya: 15.04.2017 g.).

13. Josimar. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.josimar.no/artikler/the-slaves-of-st-petersburg/3851/> (data obrashheniya: 15.04.2017 g.).

14. North Korean Forced Labour in the EU, the Polish Case: how the Supply of a Captive DPRK Workforce Fits our Demand for Cheap Labour. Leiden University's Leiden Asia Centre. [EHlektronnyj resurs]. URL: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%9F/Downloads/Final_Report_North_Korean_Forced_Labour%20Apr17.pdf (data obrashheniya: 15.04.2017 g.).

15. Unspeakable conditions for N. Korean laborers in Russia. Unification Media Group. 2017-02-02. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk00100&num=14350> (data obrashheniya: 15.04.2017 g.).

16. Wishnik Elizabeth. Whose Environment? A Case of Forestry policy in Russia's Maritime province. PP. 256-268. // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by Stephen Kotkin and David Wolff. M.E. Sharpe Inc. New York, 1995. 356 p.